

О тайной встрече Ли Се и Фу Байлуна в этот вечер еще никто не знал.

В то же самое время на другом конце города Лунцзян, на оживленном перекрестке, застывшем в плену вечернего часа пик, в своей машине сидели Чэнь Чжэнь и Лу Иминг. Всего несколько часов назад они вместе обедали с виновником его нынешних раздумий, а теперь ждали, когда сменится сигнал светофора. Над головами сгущались сумерки, свет фар слепил, отражаясь в зеркалах, а на табло светофора отсчитывали последние секунды красные цифры.

Сквозь лобовое стекло, подернутое влажной дымкой дорожных испарений, едва можно было разглядеть Чэнь Чжэня за рулем. Одетый в простую белую рубашку с закатанными до локтей рукавами, он выглядел расслабленным — рабочий день наконец-то остался позади. На заднем сиденье покачивались пакеты из супермаркета: бытовая химия, овощи и пара стейков.

Кулинарные таланты доктора Чэня ограничивались исключительно стейками, поэтому, если они не ужинали где-то в городе, их вечернее меню оставалось неизменным. Лу Иминг был крайне непривередлив в еде: он с аппетитом поглощал всё, что ему предлагали, не забывая осыпать повара комплиментами, так что жареное мясо давно стало их кулинарной традицией.

Сейчас Лу Иминг, уткнувшись в телефон точно школьник, сосредоточенно складывал блоки в тетрисе. Эта старая, почти забытая игра была его тайной страстью. Окончив школу в провинции, он получил направление в Нью-Йорк, где изучал инженерную механику и моделирование — в этой области у него обнаружился настоящий талант.

В памяти всплыли картинки из детства. Тогда они с братом были еще совсем мелкими сорванцами. До развода родителей отец работал простым заводским рабочим, а мать вела хозяйство и присматривала за детьми. Иминг помнил, как после школы они с братом усаживались у задних ворот старого завода и строили замки из брошенных кирпичей.

Старший брат тогда казался ему куда сообразительнее и хитрее. Несмотря на свою любовь к шалостям и вечное желание ввязаться в авантюру, он проявлял в строительстве поразительную смекалку. Соседи даже поговаривали, что из этих двоих парней Лу хотя бы один точно выбьется в люди и станет ученым в Пекине. И впрямь — какой еще ребенок станет рассуждать о точке опоры или о том, что треугольник — самая жесткая и устойчивая фигура?

Для обывателей эти мудреные понятия казались чем-то запредельным и в то же время притягательным. Именно те детские воспоминания подтолкнули Лу Иминга выбрать дисциплину, наиболее близкую к инженерной механике. До возвращения в Китай он часто представлял, как его брат стал ведущим специалистом в области робототехники, антигравитации или строительства. Но, встретив нынешнего Ли Се, Иминг осознал, насколько сильно изменился его «брат» — повзрослевший Ли Се казался ему почти чужим человеком.

И все же кровь не вода. Иминг не мог просто отмахнуться от него только потому, что статус и положение Ли Се не совпали с его ожиданиями. В его глазах он навсегда остался тем самым старшим братом, который учил его строить модели и объяснял теорему Пифагора. Возможно, понимая, что жизнь брата пошла по наклонной из-за развода родителей и долгой разлуки,

Иминг лишь сильнее стремился к нему.

Его пальцы, привыкшие к точным манипуляциям с деталями моделей, ловко управляли цветными блоками на экране. Сложилась сложная комбинация, оставался один верный ход, и он замер, не сводя с дисплея светящихся глаз.

«Раз, два, три... Есть!»

Он мысленно возликовал. Когда на экране высветилось сообщение о прохождении уровня, Иминг с облегчением выдохнул и хрустнул пальцами. Отложив телефон, он бросил взгляд на зажатого между сиденьями нелепого розового медведя и вдруг помрачнел. Повернувшись к партнеру, он решил немного «покошмарить» своего парня.

— Эх...

Этот внезапный горестный вздох достиг цели: Чэнь Чжэнь, до этого сосредоточенно следивший за дорогой, удивленно на него посмотрел. Заметив, как Иминг «небрежно» уставился в окно, пытаясь изобразить мировую скорбь, он спросил:

— Что случилось, Иминг?

—...

— С чего вдруг такие вздохи? Проголодался?

Стоило Чэнь Чжэню мягко задать вопрос, как Лу Иминг тут же свернул свою «меланхоличную» инсталляцию и открыл фонтан жалоб. Они были вместе около полугода, чувства были крепкими, а доверие — полным, так что проблем в общении не возникало. Иминг обожал, когда его баловали, поэтому сейчас он с готовностью начал капризничать:

— Да вот, душа болит. Как мне быть-то? Кажется, я сегодня в обед опять всё испортил. Видел бы ты лицо директора Фу... он меня взглядом прибить был готов. А ведь ты сам говорил, что он любит парфюм! Ну и где логика? Я специально поехал, купил, подарил — а он опять взбесился...

—...

— И вообще, что у вас за дружба такая? Ты меня подставляешь, Чэнь Чжэнь! Твои советы — один хуже другого. Ты сказал, что господин Фу любит шумные компании, мол, лучше всем вместе пообедать — а он заявляет, что предпочитает одиночество. Сказал, что ему что-то нравится — я покупаю, а он говорит «терпеть не могу». Я что, такой урод? Почему он на меня смотрит так, будто я привидение или покойник?

Эта тирада лилась из самых глубин души запутавшегося Лу Иминга.

Он был неисправимым оптимистом, вырос за границей, имел кучу друзей и никогда не чувствовал преград в общении. Отсутствие хитрости и привычка говорить что думает порой делали его чересчур прямолинейным, но до возвращения в Китай никто и никогда не считал его «бельмом на глазу».

Бельмо на глазу — пожалуй, это было самое точное описание. Хотя называть так самого себя было странно, Иминг каждый раз при встрече с Фу Байлуном кожей чувствовал исходящую от того смесь неприязни, брезгливости и еще какого-то странного, запутанного чувства.

При этом, несмотря на холодность Фу Байлуна, Иминг считал его человеком неплохим. Во-первых, из-за Чэнь Чжэня — раз они дружили столько лет, значит, в директоре Фу было что-то стоящее. А во-вторых, Иминг верил: по-настоящему дурной человек не станет так искренне демонстрировать свое недовольство. Такие люди, как Фу Байлун, обычно просты и прямолинейны в своих чувствах. Беда была в том, что Чэнь Чжэнь со своей привычкой выдавать ложные сведения только мешал. Он нахмурился и медленно ответил:

— Иминг, я правда не понимаю, почему Байлун так себя ведет. После того звонка он уверял меня, что всё в порядке.

—...

— Мы знакомы много лет, и он всегда умел разделять личное и рабочее. Это на него не похоже. Не думаю, что он тебя ненавидит... Скорее, на его настроение влияет что-то другое. Может, мне стоит еще раз позвонить ему насчет обеда? Чтобы ты успокоился?

Этот «гениальный» план доктора Чэня звучал просто ужасно. Лу Иминг даже без особых раздумий понял: если позвонить сейчас, упрямый господин Фу рявкнет в трубку что-то вроде «у меня всё отлично, катитесь со своим парнем куда подальше», и возненавидит Иминга еще сильнее. Вздохнув, Лу Иминг посмотрел на своего «непробиваемого» профессора:

— Не вздумай. Только не это. Не делай еще хуже. Давай хоть раз попробуем применить эмпатию? Если ты на кого-то злишься, а этот человек продолжает маячить перед глазами и докучать, ты ведь еще сильнее разозлишься, верно?

—...

— Я не золотой червонец, чтобы всем нравиться, и не напрашиваюсь в любимчики. Но вы же дружили столько лет! А теперь он при виде меня зубами скрипит. Я что, разрушитель вашей многолетней дружбы? Мне такая слава и даром не нужна!

—...

— Всё, закрыли тему. Ты в людях разбираешься хуже, чем в своих подопытных мышах и мухах-дрозофилах. Вспомни, как я тебя первый раз на свидание позвал, а ты решил, что мне репетитор нужен! Я, студент инженерного, пришел за помощью к тебе... Додумался же! Если бы не моя инициатива... И кстати, мой брат. Почему он уже два дня на сообщения не отвечает? Если бы он был рядом, он бы точно помог лучше тебя. А тут еще в новостях говорят про пропавших людей... Прямо жутко становится.

Иминг потянулся и замолчал, но смысл его слов был предельно ясен. Чэнь Чжэнь почувствовал себя неловко — критика бойфренда была вполне заслуженной. Возразить было нечего: в делах сердечных и социальных он и впрямь был не силен.

Машины на дороге едва ползли. Чэнь Чжэнь, задумчиво глядя в окно на городские огни, невольно вернулся мыслями к другой проблеме.

Они вернулись в Китай несколько дней назад. Эту неделю Чэнь Чжэнь, приехавший по официальному приглашению, провел в бегах между регистрацией в институте и изучением деталей загадочного нового проекта.

Ранее он говорил Фу Байлуну, что согласился на это предложение только из-за исследований новых форм биологической жизни. Но вот что было странно: кроме того случая в аэропорту, когда он мельком увидел руководителей института — мужчину и женщину, — за всё это время он общался лишь с внештатными ассистентами-стажерами.

Эти помощники, назначенные руководством, были обычными студентами-биологами из местных вузов. Парни и девушки вели себя тихо, исполнительно и смотрели на него со священным трепетом, называя исключительно «доктор Чэнь».

Сам Чэнь Чжэнь не страдал заносчивостью, был вежлив и терпелив со стажерами. Постепенно он осваивался в лаборатории, знакомился с оборудованием и внутренними правилами.

Обычно это была пустая формальность — профессиональное оборудование везде стандартное. К тому же Научно-исследовательский институт атомных биотехнологий предоставил ему великолепные условия: главная лаборатория занимала пять верхних этажей крупнейшего научно-технологического центра Лунцзяна, бюджет проекта явно был колоссальным. В его распоряжении оказались инкубаторы, термостаты, залы для выращивания культур и ключ-карта с доступом почти во все помещения, за исключением самого верхнего, криогенного уровня.

Но при всём этом он так и не встретил ни одного специалиста из обещанной группы мирового уровня. И, что важнее всего, он не увидел ни малейшего следа того самого секретного проекта по изучению генома.

— Даже тени этого «нового вида» нет, — размышлял он.

Для серьезного ученого такой подход казался подозрительным. Когда вчера Чэнь Чжэнь позвонил в администрацию института с расспросами, ему ответили сухим казенным тоном:

— «Для обеспечения безопасности сотрудничества вам необходимо пройти период проверки. Как только базовый этап завершится и мы убедимся в серьезности ваших намерений, вы получите доступ к основной части проекта».

— «Проверка? Почему мне, как исследователю, нужна дополнительная проверка личности?»

— «Потому что этот проект имеет государственное значение, доктор Чэнь. Помните, что мы вам говорили? У нас в руках уникальный живой образец, о существовании которого мировое сообщество еще не подозревает. С вашим интеллектом вы должны понимать: участие в такой работе требует строжайшей секретности. Без полной уверенности в вашей лояльности мы не можем раскрыть карты».

— «...»

— «Не беспокойтесь. Пока что вы будете участвовать в базовых экспериментах. У вас есть доступ в лаборатории и полная свобода действий в рамках ваших полномочий. Вы работаете на благо науки, причин для тревоги нет».

Этот ледяной ответ, больше похожий на запись автоответчика, принадлежал женщине по имени Цао Сюэмэй. Она была молода, всегда появлялась в институте в строгом черном платье и плотных чулках, скрывающих ноги. Ее неизменно сопровождала свита телохранителей, доставлявших в лабораторию новые контейнеры с замороженными биологическими образцами. Она фактически заменяла загадочного руководителя по фамилии Сунь, но все их встречи были мимолетными и обставлены атмосферой строжайшей тайны.

Чэнь Чжэнь никак не мог взять в толк, зачем его вообще пригласили. Он звонил своему бывшему профессору в Штаты, пытаясь разузнать подноготную этого института, но тот лишь заверил, что у «Атома» нет дурных намерений. Напротив, наставник советовал держаться за этот шанс обеими руками, утверждая, что этот проект — прямой путь к международным премиям высшей пробы.

Поскольку мосты уже были сожжены и он вернулся на родину, Чэнь Чжэню оставалось только смириться. Он приступил к тем самым «базовым экспериментам», о которых говорила госпожа Цао.

Но странности продолжались. Несмотря на статус ведущего исследовательского центра, стажеры в институте почти никогда не обсуждали общие цели своих разработок. Каждый день в лабораторию привозили ящики с замороженными останками животных, но за всю неделю Чэнь Чжэнь не видел, чтобы оттуда вывозили какие-либо отходы или результаты проведенных опытов.

Шла первая неделя его работы. Сегодня перед уходом, закончив распределять задания для практикантов в лаборатории на третьем этаже, Чэнь Чжэнь направился к выходу. И в конце коридора произошло нечто из ряда вон выходящее.

Нечто такое, от чего даже сейчас, в теплой машине рядом с Имингом, у него по спине пробежал холодок, а разум отказывался верить в увиденное.

<http://bllate.org/book/17425/1659062>